

А.В. Уржа

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СПУТНИКИ НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТОВ

В фокусе исследования – функции «окружения» настоящего исторического – тех элементов текста, которые сопутствуют его появлению в нарративе. Что в контексте употребления *praesens historicum* не контрастирует с этим элементом, а поддерживает его в воздействии на читателя, приближает адресата к хронологу повествуемых событий? Показательным материалом для наблюдений такого рода являются варианты русского перевода одного и того же повествовательного текста с другого языка. Мы сопоставим переводы, использующие настоящее историческое или прошедшее нарративное, и рассмотрим языковое окружение этих форм. При этом, поскольку речь каждый раз будет идти о комплексе средств, ориентированных на единый прагматический эффект, мы разделим изучаемый материал на несколько групп в зависимости от жанра оригинала и целевой аудитории, на которую ориентирован текст.

Ключевые слова: настоящее историческое, функция, адресат, художественный перевод, сопоставительный анализ.

The article is concerned with the semantic and grammatical environment of *praesens historicum* in Russian literary translations. The focus is made on the elements that interact with this transpositional verb form as a whole functional complex in the translated text. These are compared with the context of narrative past forms used in other translations of the same original. The pragmatic effect of functional ‘satellites’ of the present historical form is studied in the texts grouped according to their genre and target audience.

Key words: *praesens historicum*, dramatic present, function, context, translation, comparative analysis.

Внутренняя форма традиционного термина «настоящее историческое», калькирующего латинский *praesens historicum*, неоднократно подвергалась критике в трудах по русской грамматике, поэтике и стилистике: она отсылает к жанровой среде возникновения приема, но не к его функции в тексте. Выделяя такие функции, описывая тот или иной контекст употребления *praesens historicum*, ученые предлагали и продолжают предлагать конкурирующие названия для этого феномена. Так, А.М. Пешковский, отмечая, что «настоящее историческое» – это «старинное название, объясняющееся частотью этой замены (настоящее вместо прошедшего. – А. У.) у античных

историков», подчеркивал, что «вернее было бы назвать его настоящим “рассказа” или настоящим “живописным”» [Пешковский, 1927: 208]. В «Грамматике русского языка» 1954 г. используется термин «настоящее повествовательное» [Грамматика, 1954: 484], который считает более удачным Е.В. Падучева, в свою очередь предлагающая вариант «настоящее нарративное»: «нарративное употребление настоящего времени часто называют настоящим историческим, поскольку это настоящее время, которое используется в повествовании о прошлом» [Падучева, 1996: 286–288]. Словари лингвистических терминов дают в качестве варианта термина названия «настоящее описательное», см., напр. [Розенталь, 1976], или даже «воображаемый» или «представляемый» презенс [www.krugosvet.ru]. Восходящее к античности название формы (и приема) сближает русскую грамматику с западно-европейскими, где, однако, в качестве синонима к *praesens historicum* (или по-английски *historic(al) present*) широко используется вариант *dramatic present*, «настоящее драматическое». Последний термин применяется западными учеными и к русским текстам [Chvanu, 1990: 228], что ставит его в ряд с вышеперечисленными обозначениями. По мере изучения настоящего исторического синонимичные вначале варианты названия образуют в работах ученых оппозиции, выстраиваются в классификации, сложность которых указывает на то, что роль настоящего исторического в текстах многогранна. Не ставя перед собой задачу осветить этот аспект «истории вопроса» (достаточно подробно изученный [Бондарко, 1971; Иванов, 2001; и др.]), мы хотели бы обратиться к функциям «окружения» настоящего исторического – тех элементов текста, которые сопутствуют его появлению в нарративе. Для такого исследования требуется несколько изменить традиционный подход к анализу контекста употребления *praesens historicum*: обратить внимание не на то, с чем контрастирует форма настоящего времени, а на то, в комплексе с какими средствами она употребляется, реализуя прагматические задачи говорящего.

Направления исследования *praesens historicum* можно условно описать как идущие «от грамматики», от системных языковых механизмов данной транспозиции – к спектру типов ее употребления, и, наоборот, идущие «от текста», сфокусированные на общем композиционном (в различных научных парадигмах – поэтическом, стилистическом), прагматическом эффекте этого явления.

В рамках первого подхода, вне зависимости от трактовки *praesens historicum* как относительного или переносного употребления формы времени, в первую очередь акцентируется именно «несоответствие»

формы контексту: «С точки зрения грамматики важно то, что контекст указывает на прошлое, а грамматическая форма – на настоящее. Средством актуализации прошлого является сама грамматическая форма настоящего времени. Грамматическое значение этой формы в данном употреблении сохраняется, однако в результате столкновения с контекстом грамматическое значение настоящего в данных условиях выступает в особом, переносном варианте: действие лишь изображается так, как будто оно настоящее, – на самом же деле оно относится к прошлому» [Бондарко, 1971: 143–144]. Термин «переносное употребление» (транспозиция) подчеркивает именно «расхождение между временным значением глагольной формы и темпоральностью контекста» [Бондарко, 1971: 129]. Д.Н. Шмелев, предлагая трактовку настоящего исторического как относительного употребления формы настоящего времени, приводит примеры типа *И вот началась вьюга <...> Вокруг все кипит точно в котле* (Горький. Варенька Олесова), и отмечает, что «относительное значение формы, то есть прикрепленность к объективному прошедшему, опирается на ее сочетание с формами грамматического прошедшего» [Шмелев, 1960; цит. по: Падучева, 2010].

Лексическое и грамматическое окружение настоящего исторического до сих пор изучается именно в плане «контраста» с глагольной формой: «Прагматическая информация формы настоящего исторического распределяется между различными языковыми средствами и выражается такими периферийными средствами, как несовпадение временных показателей формы и контекста...» [Иванов, 2001: 154].

Однако стремясь к универсальным наблюдениям над грамматическими условиями употребления настоящего исторического, над языковой природой его «относительности», ученые абстрагируются от идеи контраста изучаемой формы и ее окружения и обращаются к идее выбора точки отсчета для настоящего исторического в созданном контексте: «Настоящее историческое (нарративное) можно трактовать как относительное употребление формы времени: форма настоящего времени в этом употреблении соотносит ситуацию не с моментом речи, как в исходном, речевом значении, а с некоторым моментом, фиксированным в контексте. При интродуктивном употреблении настоящего исторического сама форма задает тот временной момент, который используется для последующих отсылок» [Падучева, 2010].

К идее сопряжения «точки отсчета» и «точки зрения» стремятся и исследования специфической текстовой роли *praesens historicum* в

литературном повествовании. Разнообразные трактовки этой роли, предложенные в грамматике, поэтике, стилистике, традиционно сводят к двум основным: «в одних... учитывается компонент “говорящий говорит о прошлом таким образом, чтобы оно как бы предстало перед глазами слушающего”»; в других – компонент “говорящий как бы сам переносится в прошлое”» [Иванов, 2001: 5; ср. Бондарко, 1972: 143].

Сопоставим примеры использования обозначенных подходов в «Поэтике композиции» Б.А. Успенского и «Семантике нарратива» Е.В. Падучевой: «... каждый раз, когда употребляется глагольная форма настоящего времени, имеет место синхронная авторская позиция, т. е. автор находится как бы в том же времени, что и описываемый персонаж (курсив мой. – А. У.)» [Успенский, 1970: 97]; Ср.: «Отличие формы настоящего от прошедшего касается не перспективы, в которой повествователь рассматривает ситуацию..., а отношения между повествователем и читателем (курсив мой. – А. У.): настоящее время как бы включает читателя в диалог, т. е. помещает его в то пространство и время, в котором находится сам повествователь; тогда как прошедшее время отдаляет повествователя – а тем самым и описываемую ситуацию – от читателя [Падучева, 1996: 288]¹

Второй подход, в отличие от первого (см. цитату из Б.А. Успенского), учитывает воздействие формы *praesens historicum* на читателя, принимает во внимание «фактор адресата» [Арутюнова, 1981: 356–367]: речь идет о «включении» читателя в хронотоп повествуемого с целью произвести на него определенный эмоциональный эффект, вызвать повышенное внимание адресата к происходящему, побудить его ощутить себя наблюдателем описываемых событий. Отмечая этот воздействующий (порой даже манипулятивный) характер приема использования *praesens historicum*, труды по стилистике английского языка метко называют его ‘you-are-there illusion’ [Pinker, 2007: 204]. При этом, в отличие от русского повествования, в классическом английском нарративе использование форм настоящего исторического всегда считалось настолько сильным, ярким средством выделения, что авторам рекомендовали воздерживаться от его чрезмерного использования: “*The historical present is one of the boldest of figures and, as is*

¹ Особая роль настоящего исторического (и в той и в другой трактовке) обнаруживается в первую очередь в нарративном режиме интерпретации эгоцентрических элементов текста (в том числе и темпоральных смыслов) [Падучева, 1996: 285], однако ее можно усмотреть и в примерах так называемого гипотаксического режима [Падучева, 2010], где глагол, вводящий перцептивный модус, стоит в прошедшем времени: *я видел, как он заходит в бар.*

the case with all figures, its overuse makes a style cheap and ridiculous”² [Royster, Thompson, 1919].

Возможно, именно это повышенное внимание к стилистической «выделяющей» роли *praesens historicum* позволило современным американским ученым, разрабатывающим теорию организации первого плана и фона в тексте (Theory of Grounding), отнести эту форму к средствам «выдвижения» информации на первый план повествования и ввести важное терминологическое разграничение между *historical present* и *dramatic present*:

‘Present tense has a foregrounding effect only when contrasted with perfective past. This kind of foregrounding, unusual in written English, is frequent in Slavic folk tales. Such ‘*dramatic presents*’ are analogous to cinematic close-ups: «Вышел старик на берег и говорит...», «Девочка вошла в домик и видит...». In monoaspectual present tense narration, on the other hand, one gets a purely structural account of events, one that allows narrative device to be avoided. Such ‘*historical present*’ narrative (as in plot summaries) is stylistically as neutral as one can get. It must be distinguished from the dramatic present illustrated above» [Chvany, 1990: 294]. В приведенном фрагменте из работы К. Чвани термин ‘*dramatic present*’ противопоставлен термину ‘*historical present*’³. Первый применяется именно к тем случаям, где форма настоящего вводится в нарративе по контрасту с окружающими формами прошедшего времени и таким образом выделяет, «выдвигает вперед» (foregrounds) для читателя определенное событие (автор проводит аналогию с крупным планом в киносъемке). Второй ограничивается ситуацией «настоящего изложения» [Бондарко, 1971: 72] и типичен для грамматически гомогенного перечисления событий при пересказе текста, где ни одна из форм настоящего времени не выделена по сравнению с другими. Получается, что ‘*dramatic present*’ – широкое метафорическое обозначение, связанное не со сценическим настоящим (что можно было бы предположить, исходя из внутренней формы термина), а с эффектом живого вовлечения читателя в происходящее, с «выдвижением» наиболее интересных событий нарратива на первый план для него: ‘More recently, analysts of its use have argued that

² «Настоящее историческое – это самый “жирный шрифт”, и, как в случае с любым выделением, его чрезмерное использование делает стиль повествования вульгарным и смешным».

³ Нередко эти терминологические обозначения используются и как синонимичные: ‘in linguistics and rhetoric, the historical present (also called dramatic present or narrative present) refers to the employment of the present tense when narrating past events’. [Huddleston, Pullum, 2002, 129–131].

it functions *not by making an event present, but by marking segments of a narrative, foregrounding events*”⁴ [Brinton, 1992: 221].

Принимая во внимание эту прагматическую роль настоящего исторического в повествовании о прошлом, обратимся к следующему вопросу: с какими функционально близкими средствами взаимодействует описанная форма? Что в контексте употребления *praesens historicum* не контрастирует с этим элементом, а поддерживает его в воздействии на читателя, приближает адресата к хронотопу повествуемых событий, создает упомянутую выше «иллюзию, что вы там»? Нас будут интересовать не формально или семантически близкие к форме настоящего исторического языковые средства, но лингвистические элементы и приемы, близкие по прагматическому эффекту и порой незаметные «в тени» яркого приема *praesens historicum*.

Показательным материалом для наблюдений такого рода являются варианты русского перевода одного и того же повествовательного текста с другого языка, также позволяющего использовать *praesens historicum* в нарративе. Обращаясь к истории возникновения настоящего исторического в переводных текстах, исследователи отмечают: «редкому и несистемному использованию настоящего исторического в переводах древнейшего времени противостоит регулярная эксплуатация этой формы начиная с XIV в. Изменение переводческой стратегии в отношении настоящего исторического, изначально связанное со стремлением к большей формальной точности в передаче оригинала, проходит путь к употреблению этого средства как осознанного переводческого приема» [Пентковская, Уржа, 2013: 173; см. также: Тюняева, 2008].

К XIX в. формы настоящего исторического и прошедшего нарративного нередко встречаются в переводе одних и тех же фрагментов текстов с западноевропейских языков на русский. Ситуация эта грамматически обусловлена отсутствием жесткого требования согласования времен в гипотаксических контекстах (где у переводчика есть возможность выбрать одну из форм: *я видел, как он плыл / как он плывет*), а также нейтрализацией видового противопоставления в повествовании о прошлом [Маслов, 1984: 84]. Особый интерес для нас представляют те ситуации, где в оригинале *praesens historicum* отсутствует: в этом случае регулярное введение переводчиком русских форм настоящего исторического представляет не автоматическую кальку, а

⁴ «В последнее время исследователи настоящего исторического отмечают, что его функция состоит не в том, чтобы представить событие происходящим в данный момент, а в том, чтобы выделить сегмент нарратива, выдвинуть его на первый план».

осознанный выбор, и прагматический эффект такого выбора может быть оценен на фоне других переводов, предпочитающих формы прошедшего нарративного. Здесь же мы можем наблюдать явление так называемых функциональных «спутников» *praesens historicum*, сопровождающих его использование в русском переводе.

Основываясь на результатах ряда сопоставительных исследований русских переводов англоязычных прозаических произведений (О. Генри, М. Твена, Дж.К. Джерома, П. Трэверс, Р. Брэдбери, Э. Берджеса, Р. Баха, К.С. Льюиса), мы сопоставим варианты перевода, вводящие настоящее историческое или сохраняющие прошедшее нарративное (как в оригинале), и рассмотрим языковое окружение этих форм. При этом, поскольку речь пойдет о средствах, ориентированных на единый прагматический эффект, мы объединим изучаемый материал в несколько групп в зависимости от жанра оригинала и целевой аудитории, на которую ориентирован текст.

Приключенческая литература

Стратегии интерпретации произведений с увлекательным сюжетом, яркими событиями нередко различаются в степени учета «фактора адресата», в выборе приемов воздействия на него [Масленникова, 2002]. Показательные примеры мы находим среди переводов детской приключенческой литературы. Сравним два перевода фрагмента с описанием драки мальчишек из повести Марка Твена «Приключения Тома Сойера», выполненные Корнеем Чуковским и Ниной Дарузес:

Mark Twain 'The adventures of Tom Sawyer'	Пер. К. Чуковского, 1950 г.	Пер. Н. Дарузес, 1949 г.
So they stood , each with a foot placed at an angle as a brace, and both shoving with might and main, and glowering at each other with hate. But neither could get an advantage. After struggling till both were hot and flushed, each relaxed his strain with watchful caution <...>	Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперёд под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не даётся ни тому, ни другому. Толкаются они долго. Разгорячённые, красные, они понемногу ослабляют свой натиск, хотя каждый по-прежнему остаётся настороже <...>	Каждый стоял , выставив ногу вперед, как опору, толкаясь изо всех сил и с ненавистью глядя на соперника. Однако ни тот, ни другой не мог одолеть. Наконец, разгоряченные борьбой и покрасневшиеся, они осторожно отступили друг от друга <...>
The new boy took two broad coppers out of his pocket and held them out with derision.	Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому.	Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешливо протянул Тому.

Tom struck them to the ground. In an instant both boys were rolling and tumbling in the dirt, gripped together like cats; and for the space of a minute they tugged and tore at each other's hair and clothes, punched and scratched each other's nose, and covered themselves with dust and glory. Presently the confusion took form , and through the fog of battle Tom appeared , seated astride the new boy, and pounding him with his fists.	Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю. Через минуту оба мальчика катаются в пыли, сцепившись, как два кота. Они дёргаю друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они шиплют и царапают друг другу носы, покрывая себя пылью и славой. Наконец неопределённая масса принимает отчётливые очертания, и в дыму сражения становится видно, что Том сидит верхом на враге и молотит его кулаками.	Том ударил его по руке, и медяки полетели на землю. В тот же миг оба мальчика покатились в грязь, сцепившись по-кошачьи. Они таскали и рвали друг друга за волосы и за одежду, царапали носы, угощали один другого тумаками – и покрыли себя пылью и славой. Скоро неразбериха прояснилась , и сквозь дым сражения стало видно , что Том оседлал нового мальчика и молотит его кулаками.
"Holler 'nuff!" said he.	— Прости пощады! – требует он.	— Прости пощады! – сказал он.

Корней Чуковский выбирает для интерпретации всего эпизода (оформленного преимущественно в Past Simple в оригинале) формы настоящего времени, тогда как Нина Дарузес придерживается прошедшего нарративного. Что побуждает Чуковского к такому решению? Обратим внимание на то, что вся сцена драки представлена в контексте наблюдения и оформлена **в репродуктивном регистре**: здесь задействована лексика с перцептивной семантикой (*hot and flushed* – разгоряченные и покрасневшиеся, *two broad coppers* – два больших медяка, *were rolling and tumbling in the dirt* – покатались в грязь), имена существительные имеют конкретную референцию, глаголы реализуют предикаты с акциональной семантикой. Второй, не менее важной характеристикой данного фрагмента является **субъективизация**: действия представлены с позиции не отстраненного повествователя, а наблюдателя, локализованного в хронотопе происходящего, при этом вариант Чуковского («наконец неопределённая масса принимает отчётливые очертания») представляет более наглядную конкретизацию событий, чем вариант Дарузес («скоро неразбериха прояснилась»). Кроме того, в середине фрагмента Чуковский «подключает» точку зрения самого Тома, героя повести: враждебный мальчик называется не просто «новым» (появившимся впервые и в городке, и на страницах книги), но «чужим» – это определение мог бы дать именно Том. **Дейктические показатели**, использованные в тексте, также ориентированы на точку зрения персонажей: «каждый выставил ногу вперед». Показательно и то, что данный повествовательный фрагмент **соседствует с диалогами**, где звучит прямая речь

героев и все ее характеристики представляют видение ситуации «изнутри» события, так называемую «**внутреннюю фокализацию**» по Ж. Женетту («Только перешагни эту черту, я тебя как отлуплю, что своих не узнаешь. – Ну-ка попробуй тронь! – Ты не толкайся, а то как дам! – Ну, погляжу я, как ты мне дашь! Чего же не дерешься? – Давай два цента, отлуплю»).

Все перечисленные характеристики взаимодействуют в описании драки мальчиков: контекст наблюдения и субъективизация естественным образом «подключают» настоящее время к повествованию: модусный смысл «темпоральной локализации» [Шмелева, 1984: 83–84] «встраивается» в систему остальных модусных смыслов (пространственной локализации, реальной модальности, оценки, персуазивности и т. д.), соответствующих ситуации «нахождения внутри события». Формы настоящего времени способствуют драматизации фрагмента и усиливают впечатление соприсутствия, создаваемое вкрапленными в повествование диалогами.

Решение К. Чуковского не единично и не случайно: на протяжении всего перевода он тяготеет не только к введению форм настоящего исторического, но и к дополнительной субъективизации текста: реализация точки зрения Тома и тети Полли (а не объективного повествователя) отражается в выборе оценочных номинаций («тетка», «старуха» – вместо «тетя Полли» или «пожилая леди», «проклятый мальчишка» вместо «мальчишка» – о Томе), а также дейктических показателей («сейчас» вместо «в тот момент», «здесь» вместо «там»), дополнительных слов с перцептивной семантикой [Калмыкова, 2013]. Настоящее историческое тесно взаимодействует с репродуктивным регистром речи и создает яркие «картины» событий, выгодно отличающиеся от нарративного изложения в прошедшем времени: читатель становится зрителем, почти участником игр, потасовок, проказ Тома. Не случайно Чуковский ввел еще одно новшество: он придумал названия для каждой главы романа, оформив многие из них также в настоящем времени (так называемое настоящее номинации [Бондарко, 1971: 73]), например: «Том знакомится с Бекки», «Шайка пиратов поднимает паруса», «Том украдкой посещает родной дом» и т. д.

Итак, формы настоящего времени используются Чуковским в составе целой группы функционально однородных приемов, ориентированных на единый прагматический эффект: приблизить описываемую ситуацию и сознание ее участников к читателю и таким образом сделать повествование более захватывающим. Согласимся с тем, что

переводчику это удалось: его вариант более полувека остается популярным у русских читателей, и в первую очередь, среди детей.

Обратимся к другому произведению этого же жанра с похожей судьбой: перевод повести Памелы Трэверс «Мэри Поппинс», выполненный Б. Заходером, до сих пор значительно превосходит по популярности другие переводы этого текста, в частности, вариант М. Литвиновой, который мы используем для сопоставления. Несмотря на то что перевод Заходера принято считать «вольным» (некоторые главы повести опущены), анализ переведенных глав показывает, что это вариант близок к тексту оригинала и может быть сопоставлен с другими переводами повести П. Трэверс [Уржа, 2014: 479–488]. Заходер, как и Чуковский, вводит формы настоящего исторического в повествование там, где в оригинале использовалось прошедшее время. При этом и у него эта замена сопровождается использованием других вышеупомянутых средств – функциональных спутников настоящего исторического. В приведенных ниже фрагментах Б. Заходер вводит в текст **дополнительные дейктические показатели**, локализуя точку зрения наблюдателя в пространстве – читатель оказывается «сопричастен» взгляду персонажей повести – Джейн и Майкла:

P.L.Travers 'Mary Poppins'	Пер. Б. Заходера, 1968 г.	Пер. М. Литвиновой, 1996 г.
Presently they saw their Mother coming out of the drawing-room with a visitor following her. Jane and Michael could see that the newcomer had shiny black hair— «Rather like a wooden Dutch doll,» whispered Jane.	И вот ребята увидели, что их мама выходит из гостиной, а незнакомка идёт за ней. <i>Сверху</i> были видны её гладкие, блестящие чёрные волосы. «Как у деревянной куклы», – шепнула Джейн.	Скоро из гостиной вышла мама в сопровождении незнакомой гостьи. У нее были блестящие черные волосы. «Как у куклы-голландочки», – прошептала Джейн.
Jane did not reply, for a curious thing was happening to her. As she laughed she felt herself growing lighter and lighter, just as though she were being pumped full of air. It was a curious and delicious feeling and it made her want to laugh all the more. And then suddenly, with a bouncing bounce, she felt herself jumping through the air. Michael, to his astonishment, saw her go soaring up through the room.	Джейн не успела ответить, как с ней произошла очень странная вещь. Она вдруг почувствовала, что от смеха она становится всё легче и легче , словно её накачивают воздухом. Это было и странно, и приятно. И её всё больше разбирал смех. И вдруг – гоп! – она сильно подпрыгнула и взлетела. Онемев от изумления, Майкл глядел, как она пролетает над ним...	Джейн ничего не ответила, с ней вдруг стало твориться что-то странное: тело становилось легче, легче, будто в него вдували воздух, – удивительное и приятное чувство. Ей захотелось смеяться еще громче. Она подпрыгнула и вдруг ощутила, что летит. Майкл вытаращил глаза – его сестра Джейн парила в воздухе .

Б. Заходер подключает точку зрения детей даже более явно, чем в оригинале, раскрывая их представление о мире, вводя их оценку, и этот прием сопровождается использованием форм настоящего времени в повествовании о прошлом:

P.L.Travers	Пер. Б. Заходера	Пер. М. Литвиновой
<p>Now, the City was a place where Mr. Banks went every day— except Sundays, of course, and Bank Holidays— and while he was there he sat on a large chair in front of a large desk and made money.</p> <p>All day long he worked, cutting out pennies and shillings and half-crowns and threepenny-bits. And he brought them home with him in his little black bag.</p>	<p>Сити – это было такое место, куда мистер Бэнкс ходил каждый день – понятно, кроме воскресений и праздников, – и там он сидел с утра до вечера в большом кресле за большим столом и работал, или, как говорят у нас в Англии, делал деньги.</p> <p>И дети твёрдо знали, что папа весь день без передышки трудится, вырезая шиллинги и пенсы и штампая монетки в полкроны и трёхпенсовики. А по вечерам он приносил их домой в своём чёрном портфельчике.</p>	<p>В Сити мистер Банкс ходил каждый день, кроме, разумеется, воскресений и праздников. Он сидел там на высоком стуле за маленькой конторкой и делал деньги.</p> <p>Весь день он вырезывал пенни и шиллинги, кроны и трёхпенсовики. И приносил их домой в маленьком черном чемоданчике.</p>

Перевод повести о Мэри Поппинс, выполненный Б. Заходером, в целом превышает по количеству форм настоящего исторического перевод М. Литвиновой. Одновременно он содержит и целый комплекс других средств, воздействующих на внимание незрелого читателя (это увеличение средств образности, четкая локализация точки зрения наблюдателя, использование прямой речи вместо косвенной, введение русских идиом в текст и т. д. [Уржа, 2014: 479–488]). Аналогичные тенденции проявляются и в переводе цикла повестей К.С. Льюиса «Хроники Нарнии»: так, в широко известном варианте повести «Племянник чародея», предложенном Натальей Трауберг, введение настоящего исторического сопровождается использованием вышеперечисленных приемов (интересно, что этот перевод также считается более свободным по сравнению с вариантом Д. Афиногенова⁵).

Есть ли у настоящего исторического другие «спутники» в художественном переводе? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к жанрам, предназначенным для взрослой аудитории.

⁵ Сопоставительный анализ этих вариантов перевода, проведенный участниками спецсеминара А.В. Уржи, размещен на сайте urzha.professorjournal.ru/webinars

Ироническое повествование с философским подтекстом

Привлекая внимание читателя к этическим проблемам современности, писатели нередко обращаются к жанру юмористической зарисовки, где за изложением забавных событий умело скрыто философское обобщение с определенной долей морализаторства. В таких произведениях (приведем в пример новеллы О. Генри или повести Дж.К. Джерома) повествователь не «растворяется» в нарративе и не сливается с точкой зрения того или иного героя, это самостоятельное сознание, активно проявляющее себя в тексте: повествователь обращается к читателю, дает оценку происходящему, афористично обобщает сюжетные ситуации. Некоторая искусственность, «сделанность» такого нарратива не смущает читателя, он словно слушает рассказ, где наглядные иллюстрации перемежаются комментариями говорящего.

В русском переводе этих текстов (ориентированных, как мы видим, на иной прагматический эффект) настоящее историческое взаимодействует с рядом других композиционных средств: с генеритивным регистром [Золотова и др., 1998: 30], метатекстовыми вкраплениями, обращениями к читателю. Сдвиг точки зрения с транспозицией временных форм в этом случае «подключает» к ироническому философскому повествованию ту или иную иллюстрацию:

O. Henry 'The Sisters of the Golden Circle'	Пер. В. Маянц, 1975 г.	Пер. В. Азова, 1925 г.
<p>The Rubberneck Auto was about ready to start. The merry top-riders had been assigned to their seats by the gentlemanly conductor. The sidewalk was blockaded with sightseers who had gathered to stare at sightseers, justifying the natural law that <i>every creature on earth is preyed upon by some other creature</i> <...></p> <p>But, before a wheel turns, <i>listen</i> to a brief <i>pre-amble</i> through the cardiaphone, which shall point out to <i>you</i> an object of interest on life's sightseeing tour.</p>	<p>Экскурсионный автобус вот-вот отправится в путь. Учтивый кондуктор уже рассадил по местам веселых пассажиров императора. Тротуар запружен зеваками, которые собрались сюда поглазеть на других зевак, тем самым подтверждая закон природы, гласящий, что <i>всякому существу на земле суждено стать добычей другого существа</i> <...> Однако, прежде чем завертятся колеса автобуса, <i>послушайте</i> краткое предисловие к <i>нашему рассказу</i>, которое откроет <i>вам</i> глаза на нечто, достойное внимания в той экскурсии по жизни, которую <i>совершаем мы с вами</i>.</p>	<p>Автобус «Обозрение Нью-Йорка» готовился тронуться. Вежливый кондуктор рассадил веселых обозревателей на верхушке. Тротуар был запружен зеваками, собравшимися посмотреть на зевак. Так подтвердился еще раз закон природы, гласящий, что <i>всякая тварь на сей земле является добычей другой твари</i> <...></p> <p>Но прежде чем колеса начнут вращаться, <i>выслушайте</i> краткое предисловие, которое укажет <i>вам</i> кое-что интересное в турне, предпринятом для обозрения жизни.</p>

В переводе новеллы О. Генри «Сестры золотого кольца» Вера Маянц последовательно предпочитает формы настоящего (и даже будущего) относительного времени прошедшему нарративному. У нее же мы наблюдаем сохранение всех оригинальных и даже вкрапление дополнительных метатекстовых элементов и обращений к читателю [Сергеева, 2014]. В результате повествование становится более «активным», оно чаще «цепляет» внимание читателя путем прямых и косвенных воздействий на него и побуждает следить за рассказом, оценивать героев вместе с повествователем, раздумывать над его афористичными сентенциями.

Сходную ситуацию мы наблюдаем и при сопоставлении переводов повести Дж.К. Джерома «Трое в лодке (не считая собаки)». Два наиболее известных, классических перевода этого произведения (выполненные М. Салье и М. Донским с Э. Линецкой) активно привлекают формы настоящего исторического, тогда как другие переводы не решаются на такую замену, используя прошедшее время⁶:

J.K. Jerome 'Three men in a boat (to say nothing of the dog)	Перевод М. Донского и Э. Линецкой, 1958 г.	Анонимный перевод, ЭКСМО, 2007 г.
That's Harris all over – so ready to take the burden of everything himself, and put it on the backs of other people. He always reminds me of my poor Uncle Podger. <i>You never saw</i> such a commotion up and down a house, in all your life, as when my Uncle Podger undertook to do a job. A picture would have come home from the frame-maker's, and be standing in the dining-room, waiting to be put up; and Aunt Podger would ask what was to be done with it, and Uncle Podger would say : "Oh, you leave that to ME. Don't you, any of you, worry yourselves about that. I'LL do all that".	В этом – весь Гаррис: он охотно берет самое тяжелое бремя и безропотно взваливает его на чужие плечи. Он всегда приводит мне на память моего бедного дядюшку Поджера. Ручаюсь, что <i>вы в жизни не видывали</i> такой кутерьмы, какая поднималась в доме, когда дядя Поджер брался сделать что-нибудь по хозяйству. Привозят, например , от столяра картину в новой раме и, пока ее не повесили, прислоняют к стене в столовой; тетушка Поджер спрашивает , что с ней делать, и дядюшка Поджер говорит : «Ну, это уж предоставьте мне! Пусть никто, слышите – никто, об этом не беспокоится. Я все сделаю сам!» Тут он снимает пиджак и принимается за работу.	Гаррис всегда так: берет сначала все хлопоты на себя, а потом оказывается, что все должны делать другие. Он мне всегда напоминает моего дядю Поджера. Никогда не видел я больше суеты и беспорядка, чем тогда, когда дядя Поджер принимался за какое-нибудь дело. Из магазина была принесена большая, вставленная в раму картина и поставлена в столовой. Тетя уже несколько раз спрашивала , что с ней делать, и хотела сама повесить ее на стену. Но дядя Поджер каждый раз отвечал : Нет, нет! Пожалуйста, не беспокойтесь – это мое дело.

⁶ В оригинале модальные конструкции с would указывают на предсказуемость действия в прошлом ('predictable behaviour').

And then he would take off his coat, and begin. He would send the girl out for sixpen'orth of nails, and then one of the boys after her to tell her what size to get; and, from that, he would gradually work down , and start the whole house.	Он посылает горничную купить на шесть пенсов гвоздей, а за нею следом – одного из мальчиков, чтобы передать ей, какого размера должны быть гвозди. С этого момента он берется за дело всерьез и не успокаивается, пока не ставит на ноги весь дом.	Наконец он снял од-нажды сюртук и принялся после обеда за работу. Прежде всего послана была в лавку горничная, чтобы купить на шесть пенсов гвоздей, а за нею один из мальчиков, чтобы сказать, какой величины должны быть гвозди. Затем дядя Поджер поднял на ноги весь дом...
---	---	---

Сопоставляя варианты перевода, мы видим, что введение иллюстраций в настоящем историческом у М. Донского и Э. Линецкой сопровождается обращением к читателю и метатекстовым оборотом («например»), которые отсутствуют в анонимном переводе⁷. В результате возникает иллюзия непринужденного разговора повествователя с читателем. И в этом случае более «действенными» оказываются иронически-философские обобщения, призванные уже не рассмешить нас, а заставить задуматься: «*Сколько людей, плывущих по реке жизни, рискует затопить свои ладьи, перегружая их всяким нелепым скарбом, который, как им думается, сделает путешествие приятным и удобным... Тут и нарядное платье и огромные дома; бесполезные слуги и толпы светских знакомых... Все это хлам, старина! Выбрось его за борт! Он делает твою ладью такой тяжелой...*».

Отметим, что элемент иронии в подобном повествовании может быть и не связан с юмористическим началом: философская повесть-притча Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» отнюдь не смешна, однако организована сходным образом, и ее переводы на русский язык активно используют настоящее историческое в функциональной «связке» вышеперечисленных элементов.

Однако «оживляющий», активно воздействующий на читателя эффект применения настоящего исторического в повествовании может быть использован и, фигурально выражаясь, «во зло»: он может усиливать эмоциональный стресс, на который нацелено авторское повествование, и такие тексты попадают в третью группу нашей классификации.

⁷ Низкое качество анонимного перевода, опубликованного в 2007 году, стало поводом к отдельному текстологическому исследованию, в результате которого было установлено, что данный текст является перепечаткой малоизвестного дореволюционного перевода повести (Уржа А.В. «Стиль и синтаксис переводов Дж.К. Джерома (в печати)»).

Произведения с острой социально-психологической проблематикой

Согласно наблюдениям современных нарратологов, использование настоящего исторического является средством, значительно повышающим эмотивность текста или его фрагмента [Bjorling, 2004: 17–36]. Вот почему произведения, написанные целиком или почти **целиком в praesens historicum** («Время ночь» Л. Петрушевской, «Любишь – не любишь» Т. Толстой, «Лаз» В. Маканина, «Лунный тигр» П. Лайвли, «С тех пор» Г. Свифта и др.), реализуют таким образом сюжеты, призванные произвести гнетущее, подавляющее впечатление на читателя: «тотальное» настоящее историческое на протяжении десятков страниц не дает читателю расслабиться и создает ощущение эмоциональной перегрузки, приводит к своего рода стрессу. Англоязычные произведения последних десятилетий, ориентированные на такой эффект, пренебрегают вышеупомянутыми нормами стилистики и намеренно переполняют текст формами praesens historicum (приведем в пример повесть И. Макьюэна ‘Saturday’ 2005г.). Русские переводчики в этом случае следуют за оригиналом (см. перевод Н. Холмогоровой):

«Он отворачивается от окна, чтобы надеть толстый шерстяной халат, висящий на стуле. И в этот самый момент в его поле зрения появляется что-то новое – какая-то яркая бесцветная точка то ли на площади, то ли между деревьями. Он поднимает халат, просовывает одну руку в рукав, наощупь находит второй и только тогда, шагнув к окну и затягивая пояс, – видит. Сперва он не понимает, что это такое, то есть ему кажется, что понимает. Его первая мысль – радостная, – что это космическое явление. Метеорит пылает в лондонском небе, двигаясь слева направо, низко над горизонтом, хотя и выше самых высоких домов. Но нет: падучие звезды гаснут мгновенно. А эта движется медленно, даже величественно. Пероун сразу же переосматривает свое представление о расстоянии: нет, этот огонь не в сотнях, а в миллионах миль от Земли, огибает Солнце по вытянутой орбите. Он уже готов разбудить Розалинд – ей интересно будет посмотреть <...>. Он уже делает шаг к кровати, как вдруг слышит тихий, ровный, постепенно нарастающий механический гул. Только теперь он понимает. Оглядывается через плечо, ища подтверждения своей догадке. Да, конечно: комета с такого расстояния казалась бы неподвижной. В ужасе он бросается назад, к окну. Под нарастание механического гула снова переоценивает расстояние, на сей раз в сторону уменьшения, от космической ледяной пыли – к земному

<...> Несмотря на яркое городское освещение, контуры самолета теряются в предрассветной мгле. Горит, должно быть, ближнее крыло, в том месте, где оно соединяется с фюзеляжем, или один из моторов под крылом. Мигают посадочные огни – словно притворяются, что ничего страшного не происходит. Но рев мотора выдает их обман. На фоне обычного глубокого, спокойного гула нарастает другой звук, прерывистый, кашляющий, жуткий, – то ли визг, то ли сдавленный крик, нечистый, смешанный звук, выдающий предельное напряжение металла; он нарастает, он закручивается, он растет и растет, как аккомпанемент к жуткому аттракциону. Сейчас что-то произойдет».

Однако в истории перевода можно обнаружить редкие случаи, когда именно в ходе интерпретации эмоционально насыщенного, «стрессового» текста, написанного в прошедшем времени, русские формы настоящего исторического становятся дополнительным средством усиления психологического накала повествования. Ярким примером подобного решения является интерпретация романа Э. Берджеса «Заводной апельсин», предложенная Е. Синельщиковым (его перевод, опубликованный в журнале «Юность» и произведший сильнейшее впечатление на читателей, также считается более вольным, чем вышедший в том же году перевод В. Бошняка):

Anthony Burgess ‘A Clockwork Orange’	Пер. Е. Синельщикова, 1991 г.	Пер. В. Бошняка, 1991 г.
<p>I could feel the knives in the old moloko starting to prick, and now I was ready for a bit of twenty-to-one. So I yelped: ‘Out out out out!’ like a doggie, and then I cracked this veck who was sitting next to me and well away and burbling a horrorshow crack on the ooko or earhole, but he didn’t feel it and went on ...</p> <p>So we scatted out into the big winter nochy and walked down Marghanita Boulevard and then turned into Boothby Avenue, and there we found what we were pretty well looking for, a malenky jest to start off the evening with. There was a doddery stary schoolmaster type veck, glasses on...</p>	<p>Я чувствую, как скрытые в молоке иголки начинают покалывать где-то внизу в штанах. Вскакиваю и ору: «Камон, камон, камон!» Потом, сам не знаю зачем, двигаю в ухо выпавшему в осадок мэну рядом, но он этого даже не замечает, продолжая бормотать...</p> <p>Мы высыпаем из бара в огромную зимнюю ночь и плывем по бульвару Марганита, где очень скоро находим то, что может развезть скуку. Навстречу нам порхает какой-то олд мэн, похожий на большого попугая, только в очках...</p>	<p>Я почувствовал, как у меня пошел tortsh от ножей в хитром молочишке, и я уже готов был изобразить что-нибудь типа «куча-мала». Я заорал «Ноги-ноги-ноги!» как зарезанный, треснул отъехавшего hanugu по чану или, как у нас говорят, v tukvu, но тот даже не почувствовал, продолжая бормотать</p> <p>В общем, выкатились мы в зимнюю необъятную notsh и пошли сперва по бульвару Марганита, а потом свернули на Бутбай-авеню и там нашли то, что искали, – маленький toltshok, с которого уже можно было начать вечер. Нам попался ободранный starikashka, немощный такой tshelovek в очках...</p>

Текст Э. Берджеса, описывающий страшные события, изображающий сценами насилия, заставляет (так же, как упомянутые выше произведения И. Макьюэна, Т. Толстой, Л. Петрушевской) читателя ощутить себя «на грани» эмоционального срыва, повествование наполнено словами с негативной семантикой, эмотивами и аффективами [Шаховский, 2009: 24–25]. Перенос читателя в хронотоп происходящего, формы настоящего исторического в переводе Е. Синельщикова многократно усиливают впечатление от жестоких сцен. Именно в этом варианте интерпретации изъяты обороты, акцентирующие временную дистанцию между событиями и повествованием, опущены ретроспективные комментарии повествователя к реалиям его времени – ничто не «отгораживает» читателя от ужасающих событий сюжета. Функциональным спутником настоящего исторического в этом случае становится «значимое отсутствие» этих элементов.

Несмотря на кажущееся сходство основания выбора настоящего исторического при переводе произведений первой и третьей группы, стратегии интерпретации в этих случаях принципиально различны: если вкрапление «картинки» в настоящем времени на фоне повествования в прошедшем оживляет текст, то доминирование настоящего исторического на протяжении целого произведения или большей его части утомляет и подавляет читателя (Ф. Бьерлинг сравнивает этот эффект с просмотром большого количества онлайн-новостей по телевизору. Действительно, повествование в настоящем историческом в этом случае приближается к так называемому «репортажному презенту» [Кругосвет, ср. Падучева, 1996: 290], оформляющему тексты с повышенной эмотивностью). Отметим, что попытки перевести целое приключенческое произведение для детей в *praesens historicum* не имели успеха ни у маленьких читателей, ни у их родителей⁸.

Все рассмотренные нами «ипостаси» настоящего исторического в русских переводных художественных текстах, по-видимому, восходят к одной и той же функциональной роли этих форм в нарративе, сопряженной с выделением информации, с приближением адресата к хронотопу происходящего, с актуализацией повествуемых событий для адресата. Однако, как показал анализ, прагматический эффект использования этой формы в переводе может быть совершенно различным, он зависит от жанра интерпретируемого текста и от набора языковых средств и композиционных приемов, «в связке» с которыми

⁸ Приведем в пример перевод повести Люка Бессонна «Артур и минипуты» (более 100 страниц в настоящем времени), судьба которого вызвала обсуждение на конференции «Лингвистика и поэтика» в ИРЯ РАН в 2007 г. и побудила автора статьи провести серию опросов среди читателей.

praesens historicum реализует свою функцию. Перевод приключенческого произведения с вкраплениями настоящего исторического становится более увлекательным, философско-ироническое повествование чаще заставляет читателя задуматься над «иллюстрациями» к размышлениям рассказчика, а социально-психологический текст, где переводчик использует «тотальное» настоящее, производит на адресата более сильное эмоциональное воздействие (порой даже негативное). И в каждой жанровой группе настоящему историческому сопутствует своя группа «функциональных спутников»: в первом случае это дейктические средства, слова с перцептивной семантикой, приемы субъективизации; во-втором – метатекстовые обороты, апелляции к читателю, генеритивные сентенции; в третьем – эмотивы и аффективы, слова с негативными коннотациями.

Сопоставление русских вариантов перевода таких произведений демонстрирует, как чуткие к возможностям языка и к замыслу автора переводчики, не боясь отступить от оригинала, используют *praesens historicum* в качестве элемента продуманной стратегии интерпретации текста, и, как свидетельствуют судьбы переводов (находящиеся уже за пределами научного лингвистического описания), нередко именно такой вариант оказывается наиболее популярен среди той группы читателей, которой он осознанно адресован переводчиком.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. 1981. № 4.
- Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Грамматика современного русского литературного языка М., 1954; 1960.
- Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. М., 1998.
- Золотова Г.А., Опитенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванов С.В. Настоящее историческое в современном русском литературном языке: грамматика, прагматика, стилистика: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Калмыкова Д.И. Лексико-синтаксические средства субъективации текста в русских переводах романа М. Твена «Приключения Тома Сойера» // Материалы форума «Ломоносов–2013». М., 2013.
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Масленникова Е.М. Инокультурное бытие текста // Учен. зап. Гуманитарного факультета ПГТУ. Вып. 5. Пермь, 2002.
- Немкова В.А. Семантико-синтаксические эффекты насыщения текста личными формами глаголов при переводе (на материале оригинала и английского перевода повести В. Маканина «Лаз») // Материалы форума «Ломоносов–2013». М., 2013.

Падучева Е.В. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое. Материалы конференции «Диалог-2010». URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/57.htm>, 2010.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Пентковская Т.В., Уржа А.В. Переводческие стратегии в древних и современных текстах: настоящее историческое // Славистика Вып. XVII. Белград, 2013.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001 (1927).

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Сергеева Г.А. Взаимосвязь семантико-синтаксических средств воздействия на читателя в ироническом повествовании О'Генри // Материалы форума «Ломоносов-2014». М., 2014.

Тюняева Д.Б. Житие Андрея Юродивого в славянском переводе XIV века: особенности языка и переводческой техники. АКД. ???ЧТО ЭТО. М., 2008.

Уржа А.В. Интерпретация перцептивных фрагментов в переводе для детей: повесть П. Трэверс «Мэри Поппинс» // Русский язык и культура в зеркале перевода. М., 2014.

Успенский Б.А. Поэтика композиции (структура художественного текста и типология композиционной формы). М., 1970.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009.

Шмелев Д.Н. Абстрактное и относительное употребление форм времени русского глагола // Русский язык в национальной школе. 1960. № 6.

Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.

Энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru>

Bjorling F. As time goes by... Tentative notes on present tense narration in contemporary fiction // Telling forms. Stockholm, 2004.

Brinton L.J. The historical present in Charlotte Bronte's novels: Some discourse functions // Style. Vol. 26. Issue 2, 1992.

Chvany Catherine V. Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian // Nils Thelin (ed.). Verbal Aspect in Discourse. Amsterdam, 1990.

Huddleston R., Pullum G.K. The Cambridge Grammar of the English Language, Cambridge, 2002.

Pinker S. The Stuff of Thought. Viking, 2007.

Royster J.F., Thompson S. Guide to Composition. Scott, Foresman, 1919.

Сведения об авторе: Уржа Анастасия Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: English2@yandex.ru

Е Цисун (КНР)

НУМЕРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОСТАВЕ ТЕРМИНОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ¹

В статье анализируется роль, выполняемая элементами со значением числа (нумерическими) в составе терминов в китайском языке в сопоставлении с подобными единицами в русском языке. Исследование показывает, что нумерические элементы обладают в каждом из них двумя семантическими функциями – количественно-определяющей и количественно-комплектной, но при этом нумерический элемент с функцией второго типа употребляется в китайском языке гораздо чаще, чем в русском. Это свидетельствует о том, что научная картина мира, надстроенная над языковой («наивной») и пересекающаяся с ней, обладает национальным своеобразием.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, терминология, когнитивное терминоведение, научная картина мира, семантические функции, нумерические элементы.

The article has as its focus the semantic purport of numeric units as elements of the semantic structure of Chinese scientific terms comparing them with similar units in Russian. Our research shows that in both languages numeric elements participating in term formation can have two meanings – numeric-modifying and numeric-inclusive, but numeric elements with the second meaning are used much more frequently in Chinese than in Russian. We consider it as an evidence that the scientific world mapping, constructed on the basis of naive world mapping and interconnected with it, is not the same for different nations being nationally and culturally specific rather than universal.

Key words: Chinese, Russian, terminology, cognitive terminology, scientific mapping of the world, semantic functions, numeric elements.

Современная лингвистика характеризуется параллельным существованием нескольких научных парадигм, которые могут быть подведены под научный макропарадигмальный принцип антропоцентризма [Кубрякова, 1994: 14; Кибрик, 2003: 102–106; Маслова, 2008: 11–18]. Среди них весьма перспективным направлением считается когнитивная лингвистика. За последние 10–20 лет лингвокогнитивный подход

¹ Я благодарю И.М. Кобозеву, прочитавшую первый вариант данной статьи и высказавшую ряд ценных замечаний, которые были учтены при подготовке окончательного варианта. Разумеется, вся ответственность за возможные недочеты данной работы лежит на мне.